

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

АНАСТАСИЯ
СОВА

ОТЕЦ
ПОДРУГИ
Мой новый
БОСС

18+

Анастасия Сова

Отец подруги. Мой новый босс

«Автор»

2026

Сова А.

Отец подруги. Мой новый босс / А. Сова — «Автор», 2026

«Здравствуйте, Тимур Александрович, я ваша новая помощница. Кстати, насчет вчерашней ночи», – мысленно начинаю я и сразу же кривлюсь. Как же глупо! По-идиотски! «Извините, это недоразумение, я не», – еще хуже. Звучит как оправдание ребенка, пойманного за руку. И подумать не могла, что в первый рабочий день придется говорить ТАКОЕ. Думала, что буду самой счастливой, ведь работать в крупном холдинге было моей мечтой. Но все как-то резко усложнилось. Вчера. Когда я оказалась в спальне отца лучшей подруги.

© Сова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анастасия Сова

Отец подруги. Мой новый босс

ПРОЛОГ

Лилия

«Здравствуйте, Тимур Александрович, я ваша новая помощница. Кстати, насчет вчерашней ночи...», – мысленно начинаю я и сразу же кривлюсь.

Как же глупо!

По-идиотски!

«Извините, это недоразумение, я не...», – еще хуже.

Звучит как оправдание ребенка, пойманного за руку.

Но и чувствую я себя примерно так же.

Я и подумать не могла, что в первый рабочий день, да еще и на таком удачном месте мне придется говорить ТАКОЕ.

И вообще я планировала здесь задержаться. Думала, что смогу проявить себя, и мне предложат постоянное, пусть и не такое блатное место.

«Вы, наверное, меня не узнали в темноте...» – продолжает тем временем подкидывать мне варианты мозг.

И это просто ужасно!

Может, пока не поздно, слиться по-тихому?

Сейчас мне кажется, что устраиваться в офис отца подруги с самого начала было дурацкой затеей.

А после вчерашнего это вообще граничит с безумием.

Я не представляю, как смогу намекнуть ему на ЭТО? На то, как он бессовестно прикасался ко мне в самых сокровенных местах.

Отец лучшей подруги!

Сердце бешено колотится, ладони потеют от волнения.

Я представляю его холодный, пронзительный взгляд, тот самый, который, по словам Миры, мог заморозить кровь.

Что, если он узнал?

Что, если он прямо сейчас ждал моего прихода, чтобы уволить с позором?

Или того хуже...

Я стою перед зеркалом в дамской комнате роскошного офиса холдинга «Романов и Партнеры», пытаюсь вдохнуть уверенность, которой нет и в помине.

Мне кажется, все, что я могу сейчас сделать – позорно сбежать.

Отражение выдает меня с головой. Показывает этот пробирающий до мурашек страх «серой мышки» в максимальной боевой готовности.

Строгий черный пиджак, бежевая блузка под горло, юбка-карандаш ниже колена, волосы, убранные в тугую, без единой выбившейся прядки, хвост.

Я выгляжу как обычный, ничем не примечательный винтик корпоративной машины. Идеально для первого рабочего дня.

И ужасно для того, чтобы объяснить боссу, что вчера я... спала в его постели. А он побывал там, где не должен был.

– Давай, Лилия! Ну, соберись уже! – уговариваю себя, понимая, что мне придется выйти из этого туалета, как бы сильно не хотелось тут исчезнуть.

За дверью слышится сдержанный гул офисной жизни: мерный стук клавиатур, гудение принтеров, шаги по паркету, приглушенные голоса.

Я думала, что буду самой счастливой, когда приду сюда. Работать в таком крупном холдинге было моей мечтой.

Но все как-то резко усложнилось. Вчера.

Запах дорогого кофе и свежей бумаги, казалось, будет успокаивать, но лишь усиливает тревогу на деле.

Глубоко вдыхаю перед тем, как заставить себя выйти в коридор.

Это особенный вид пытки.

Когда кажется, что аж пол под ногами горит.

Я направляюсь к лифтам, уткнувшись взглядом в пол, пытаюсь собрать в кучу расплывающиеся мысли.

Ну, вот как объяснить это недоразумение?

Может, просто промолчать?

Но тогда это будет висеть между нами непосильным напряжением.

А если Тимур Александрович заговорит первым?

Я попросту не найдусь, что ответить...

Лифт мягко пищит, и двери разъезжаются.

На автомате шагаю внутрь, поднимаю глаза и... замираю.

Весь воздух вырывается из легких, как от удара.

В лифте стоит ОН.

Тимур Александрович Романов.

Во плоти.

Высокий, внушительный, в безупречном темно-синем костюме, который идеально сидит на широких плечах.

Его лицо будто выточено из камня, но очень искусно. Немного жесткое, с резкими скулами и пронзительными серо-стальными глазами, которые сейчас устремлены прямо на меня.

Я не знаю, как заставляю себя переступить порог кабины.

Романов излучает такую концентрацию власти и холодной уверенности, что я на секунду ощущаю себя букашкой под увеличительным стеклом.

Запах парфюма – дорогого, древесно-пряного, с ноткой кожи – мгновенно накрывает меня. Удивительно, но он вызывает шквал странных и... стыдно признаться... волнующих воспоминаний о темноте, грубых пальцах на бедре, горячем дыхании на шее.

Его дыхании...

Двери лифта закрываются. Так медленно, что я почти не дышу.

Кабина трогается вверх.

Тишина становится гулкой, и я чувствую, как горит лицо.

Нужно что-то сказать.

Хоть что-то!

Его взгляд, тяжелый и оценивающий, скользит по моему строгому костюму и задерживается на лице.

Все. Медлить больше нельзя.

– Д-доброе утро, Тимур Александрович, – выдавливаю я, понимая, что голос предательски дрожит.

Мужчина кивает. Едва заметно.

Его интерес ко мне тут же становится блеклым. Словно я не значащая ничего пустышка. Незнакомка, не стоящая его дорогого во всех смыслах внимания.

Облегчение, смешанное с диким разочарованием накатывает на меня.

Неужели, не узнал? После всего?

Не могу поверить!

– Насчет вчерашнего... я... – вырывается само, и я ненавижу себя за этот импульсивный поступок.

Романов поднимает бровь. А к моим щекам подступает еще больший стыд.

Все тело становится ватным, и я сама не понимаю, как неуклюже роняю папку с документами из своих рук.

Бумаги веером разлетаются по полу лифту. В том числе моя фотография, что так неудачно приземляется на ботинок босса.

– Извините, – пишу я.

Тимур Александрович что-то мне говорит, но я, путаясь в собственных мыслях, уже не в состоянии его услышать.

Тут же бросаюсь собирать листы. Паника делает движения резкими и хаотичными.

Один лист улетает в самый угол, и я тянусь за ним, пока не понимаю, что моя попка, в тонкой ткани юбки, очень «удачно» оказываются на уровне... его паха.

На предательски близком расстоянии.

Замираю вместо того, чтобы скорее отшатнуться. Кровь ударяет в виски, оглушая.

Весь мир сужается до кабинки лифта и моего невероятно интимного недопустимого положения.

Я чувствую присутствие Романова спиной. Ощущаю исходящее от него тепло и тот самый парфюм, смешанный с чистым, мужским запахом.

Большие, теплые, сильные мужские руки ложатся мне на бедра.

Твердо.

И вовсе не для поддержки.

Его пальцы слегка сжимают мои округлости через ткань юбки, обжигая кожу даже сквозь нее.

И самое ужасное, что я осознаю в этот момент – прикосновение, оно было... намеренным. Контролирующим. Властным.

Время останавливается.

Остаются только эти руки на моих бедрах, жгучие, как воспоминание о прошлой ночи, и ледяной ужас смешанный с запретным, пронзительным током возбуждения, пробежавшим по всему телу.

А потом двери лифта с легким шипением начинают разъезжаться, впуская свет и звуки холла.

Глава 1

Лилия

Я не верю, что этот сложный, изнуряющий семестр закончился!

В какой-то момент мне даже стало казаться, что до экзаменов я не доживу.

Вот она – тяжелая доля отличницы. Когда по твоим внутренним убеждениям все должно быть по высшему разряду. И, не дай Бог, где-то среди итоговых оценок проскочит четверка. Тогда я буду пилить себя всю оставшуюся жизнь.

Мира считает, что я слишком загоняюсь, а я... я всего лишь живу с этими убеждениями, которые кажутся мне правильными.

Ведь это моя подруга может не запариваться, а потом получить теплое местечко в папиной фирме. Или вообще никогда не работать, потому что нынешних доходов их семьи вполне хватит, чтобы обеспечить не только себя, но и внуков. А, может быть, даже правнуков.

Вот только чего-то подобного нельзя сказать обо мне.

Я из обычной семьи. Моя мама учительница, отец работает на заводе главным инженером, но эта профессия только звучит прибыльно. На деле же зарплата стандартная, как у всех.

А я хочу чего-то большего. Пробыться в жизни. Найти достойную работу и реализоваться там. А для этого усиленно тружусь за партой.

Хотя Мира считает, что это просто «тараканы в моей голове», которые вообще не в курсе, как устроена жизнь.

Но, мне кажется, подруга сама не в курсе этого. Потому что в ее мире все достается легко, а папа способен реализовать любые хотелки.

Уже на восемнадцать лет он подарил ей крутую тачку, стоимость которой даже стыдно называть. А про украшения и навороченные гаджеты я вообще молчу!

Иногда задаюсь вопросом, как мы вообще смогли подружиться? Никогда не могла представить такого, ведь моя подруга – типичный мажор с мажорскими взглядами на жизнь. Но зато она искренняя и добрая, а я очень ценю эти качества в людях.

Сегодня мы с однокурсниками празднуем окончание семестра. Мирослава пригласила всех к себе домой, хотя, я уверена, ее отец бы этого не одобрил.

Иногда кажется, будто она специально злит его, временами срываясь с цепи.

Мира уговорила меня пригубить бокальчик шампанского, но я не любитель. Верчу в руках тонкую ножку практически полного бокала и не могу избавиться о мысли, что уже завтра мне нужно во всеоружии появиться в офисе ее отца.

Секретарша Тимура Александровича как раз ушла в отпуск, и срочно требовалась замена. Мирослава как-то убедила отца, что я самая лучшая кандидатура и теперь важно не упасть в грязь лицом.

Планы у меня грандиозные! Я надеюсь настолько понравиться новому боссу, что он предложит мне постоянное место в офисе после окончания университета. Для меня это очень важно.

Но как бы я не планировала уйти с вечеринки пораньше, чтобы выспаться и выглядеть прилично, Мирослава меня не отпустит. «Мы заслужили эту тусу! Особенно ты!» – безапелляционно заявила подруга, когда я попыталась вежливо отказаться.

И вот я здесь, в просторной гостиной дорогого особняка, где музыка бьется ритмом о стены, и слышен нескончаемый гогот наших однокурсников.

– Лиль, у меня к тебе дело! – Мира подсаживается ко мне с серьезным видом.

Если еще минуту назад я успокаивала себя мыслью «да что может случиться?!», то сейчас мое напряжение как-то резко возросло.

Обычно дела Миры никогда не заканчиваются тем, чем хотелось бы. Особенно те, что произнесены так торжественно серьезно.

– Надеюсь, это не что-то противоправное? – притворно прищуриваюсь я.

– Пока я не настолько пьяна! – с улыбкой отмахивается Мира.

Ну, ладно. По крайней мере, нас не посадят в тюрьму.

– Сейчас мы с тобой поднимемся на второй этаж и обыщем спальню папы.

Глава 2

Лилия

– Общем? – у меня глаза на лоб лезут от какого предложения.

Точнее, мне до сих пор кажется, что оно мне слышалось.

Ну, не могла же Мира всерьез такое ляпнуть?

– Ты мне подруга или кто? – хмурится Мирослава. – Я тебя вообще-то об очень важном попросила, – в ее голосе звучит обида. – Он мне обещал, что прекратит путаться со всякими. Но, я уверена, продолжает это делать. Так что мне нужны доказательства!

– Но это все равно как-то неправильно...

– Так ты идешь или нет? Я могу позвать кого-то другого.

– Ладно, – вздохнув соглашаюсь.

Лучше уж я буду с Мирой, чем потом по университету поползут неприятные слухи. А у нас с этим проблем нет – быстро все самое смачное подхватывают.

И вот я иду за Мирой, чувствуя, как голова слегка кружится, видно, несколько глотков шампанского, пусть и какого-то дорогого, сделали свое дело.

Но в основном я ощущаю тревогу. Безумную, колючую тревогу. Чую, будто ничем хорошим наше преступление не закончится.

– Мир, может, ну его? – предпринимая последнюю попытку, шепчу я и хватаю ее за рукав черного бархатного платья, которое она надела сегодня специально, чтобы выглядеть роковой красоткой. – Он же твой отец. И... это его дом.

Аргументы не особенно убедительные и быстро заканчиваются.

Мира резко оборачивается. Ее глаза, обычно такие яркие и смеющиеся, сейчас горят холодным, почти нездоровым огнем.

– Я – его дочь, Лиль! Это МОЙ дом тоже! – ее шепот шипящий, злой. – А он... он клятву давал! Мы же ДОГОВОРИЛИСЬ! Никаких телок здесь, пока я дома. Никаких! Ни дорогих, ни дешевых!

– Но ты же не знаешь наверняка... – пытаюсь я вставить разумное слово, но Мира меня не слышит. Ее захлестывает обида. И она, похоже, гораздо глубже, чем я могла предположить.

– Не знаю?! – она фыркает. – Иногда я чувствую, как от него пахнет. И я не дура. Один раз я даже... – Мирослава замолкает, сжимая губы. – Короче, мне просто нужны доказательства, чтобы ткнуть ими отцу в лицо. Найду хоть волосинку чужую – и устрою ему сцену при всех! Пусть знает! Вот сейчас общем спальню, и все станет ясно!

Спальню...

У меня перехватывает дыхание.

Я видела отца Миры лишь один раз мельком, но этого оказалось достаточно, чтобы понять, что он за человек. Властный и уверенный.

А еще у меня от него почему-то ноги подкосились, хотя Мирославе, конечно, об этом знать не обязательно.

Тогда, прибежав в общагу, первое, что я сделала, полезла в интернет искать его фотки, потому что навязчивый образ этого мужчины просто преследовал меня. И никак не получалось избавиться.

Потом я целую неделю не могла нормально заснуть. В голову лезло всякое.

Иногда я представляла, чтобы он сказал, когда познакомился со мной? Как посмотрел бы? А еще я представляла его голос... Почему-то казалось, что от него разбегутся мурашки.

Но, конечно, все это было бредом. Ну, кто влюбляется в отца подруги? И уж точно такого не может случиться со мной!

– Мира, это уже слишком! Я не могу! – выдыхаю перед самой спальней.

– Можешь! – подруга хватает меня за руку. – Ты же моя подруга? Настоящая? Или тебе плевать, что он творит? Что нашу договоренность в грош не ставит? Помоги мне! Просто побудь на шухере, если так страшно.

Ее взгляд – мольба, смешанная с истерикой.

Я вздыхаю.

Она права, я ее подруга. И ситуация и правда мерзкая. Но лезть в спальню...

– Ладно, – сдаюсь я. – Но только на шухере. И быстро!

Мирослава толкает дверь. Та мгновенно поддается.

Нас встречает темнота и тишина. А еще запах. Он совсем другой здесь.

Не парфюма. Скорее... дорогого мыла, свежего белья и чего-то неуловимого, глубоко мужского. Деревя, кожи, может быть. Запах самого Тимура Александровича.

Он ударяет в нос, странно будоража.

Мира щелкает выключателем маленького бра у входа, и мягкий свет озаряет огромную комнату в стиле минимализма. Все дорогое, строгое, безупречно чистое. Большая кровать, застеленная серым шелковистым покрывалом, привлекает взгляд.

– Так! – Мирослава включает фонарик на телефоне и направляет луч на кровать, потом на шкаф и прикроватные тумбочки. – Ищем все: волосы не мои и не домработницы, следы помады, забытые сережки, духи... что угодно!

Я стою у двери, чувствуя себя ужасно неловко.

Сердце колотится как бешеное. Каждый шорох из гостиной кажется шагами Тимура.

Я прислушиваюсь, готовая свистнуть при малейшей опасности. Мира лихорадочно обыскивает тумбочку, затем скользит лучом по гладкой поверхности комода.

– Чисто... слишком чисто, – бормочет она разочарованно. – Как будто специально прибрали. Или... он их в кабинет водит? – ее голос дрожит от обиды.

– Может, все-таки уходим? – умоляюще шепчу я. – Ничего же нет. И... тут как-то... – не получается подобрать слова.

– Нет! – Мирослава резко выпрямляется. – Проверим ванную. Там точно что-то осталось!

Она исчезает в дверях ванной комнаты. Я остаюсь одна посреди этой огромной, дышащей мужской силой и властью спальни.

Мой взгляд невольно притягивает кровать. Большая. Широкая. Застеленная безупречно.

Каково это – спать здесь? Рядом с ним? Странная, запретная мысль проносится в голове, заставляя меня содрогнуться. Я отворачиваюсь, упираясь взглядом в строгие линии шкафа.

Это просто от шока. На самом деле, я ни о чем таком не думаю.

Из ванной доносится шум открываемых шкафчиков, шуршание флаконов. И это все сопровождается бубнежом моей подруги.

Время тянется мучительно. Усталость от вечеринки, стресс и время, давно перевалившее за полночь, – все это давит на веки.

Они становятся тяжелыми. Я прислоняюсь к косяку двери, пытаюсь не уснуть. Мысли путаются.

– Ничего! – голос Миры, полный бешенства, вырывает меня из полудремы.

Она выходит из ванной, лицо искажено злостью и разочарованием.

– Ни одного следа! Как он умудряется?!

Подруга смотрит на меня, потом на кровать. Взгляд ее становится... расчетливым.

– Лиль... – осторожно, будто заискивающе, произносит она. По горящему взгляду понимаю, что это не готовит мне ничего хорошего. – Кажется, я знаю, как мы можем вывести моего отца на чистую воду.

Глава 3

Лиля

В моем желудке сворачивается холодный комок – я знаю этот блеск в ее глазах. Это предвестник безумных идей, которых у Мирославы обычно хоть отбавляй!

– И как же? – все же спрашиваю.

– Тебе не понравится, – качает головой подруга.

Мне остается только напомнить себе, что я не обязана делать что-то плохое, даже если Мира – моя лучшая подруга. Это ведь что-то из разряда: «если все спрыгнут с крыши, ты тоже спрыгнешь?».

Она подходит ближе, садится на кровать отца подле меня. Заглядывает в глаза, видимо для убедительности.

Но я уже заранее понимаю, что откажусь. Мой ответ очевиден в данной ситуации.

– Представь: ты остаешься здесь. Спишь. Я уйду, притворяюсь, что ничего не знаю. А утром, когда папа вернется... – глаза моей подруги сверкают азартом, – я врываюсь сюда с криком: «Папа, что происходит?!» и делаю шокирующие фото! Тогда он точно не сможет отрицать, что привел кого-то!

Дыхание перехватывает. Я ведь на долю секунды представляю все сказанное. Будто бы начинаю ощущать горячее запретное тело ее отца рядом с собой.

Потому ошарашено выпаливаю:

– Ты совсем рехнулась, Мира?! – шиплю я, стараясь не кричать. Мне кажется, только она могла такое придумать. И я совсем не удивлена почему-то. – Это же твой отец! И... это грязно! Причем, грязно во всех смыслах! И я не собираюсь в этом участвовать.

Выставляю перед собой растопыренные ладони, будто отгораживаясь от омерзительного предложения.

– Я понимаю, что тебе неприятно и обидно, но ты зашла слишком далеко, – предупреждаю подругу.

– Но это же ради правды! – настаивает она, не желая сдаваться. – Он нарушил наше соглашение! И ты же моя лучшая подруга! Пожалуйста, Лиля!

– Нет! – мой голос звучит резче, чем я планировала. Собираю остатки ясности мыслей. – Во-первых, это мерзко. Во-вторых, подстава – не доказательство. Он скажет, что я сама пришла, или еще что-то. А в-третьих... – я делаю глубокий вдох, глядя ей прямо в глаза, – у меня завтра ПЕРВЫЙ рабочий день. У твоего папы. Помощницей. Ты сама меня устроила, забыла?! Ты хочешь, чтобы он меня выгнал еще до начала? Или, того хуже, подумал, что я... что я специально лезу в его постель ради карьеры? Это конец всему, к чему я стремлюсь, Мира! И работе, и моей репутации!

Мои слова, кажется, наконец, доходят до нее. Боевой пыл Мирославы гаснет. Взгляд тускнеет, становится растерянным, почти виноватым. Она отводит глаза, тербит край своего бархатного платья.

– Ой, блин... – бормочет подруга. – Рабочий день... Я совсем забыла. Извини. Правда. – Она смотрит на меня жалобно. – Просто... я так зла на него. И так хотела его проучить...

Раскаяние выглядит искренним. К тому же, я люблю эту девчонку и, кажется, готова простить ей все, что угодно.

– Тогда у меня больше нет идей, – Мирослава разводит руки по сторонам.

– Давай просто уйдем отсюда поскорее, – предлагаю и резко подсакиваю со своего места.

Мне правда не очень комфортно тут находиться. Особенно, когда думаю о том, что Тимур Александрович действительно мог водить сюда женщин.

Даже от мысли об этом начинаю испытывать отвращение и стыд. Словно кожа на лице и шее воспаляется.

В голову вдруг ударяет боль, смешанная с головокружением.

– Ой... – выдаю я, пытаюсь ухватиться за невидимое пространство руками, и тут же плюхаюсь обратно на кровать.

– Лиля? – глаза Мирославы расширяются от беспокойства. – Ты чего?

– Голова закружилась сильно, – отвечаю, понимая, как в этот момент ощутимо пересыхает во рту.

– Ты вроде не пила.

– Если честно, на стрессе от экзаменов я почти ничего не ела. Видимо, двух глотков хватило для... такого состояния. Сейчас... буквально две минутки.

– Может, приляжешь пока? Я тебе воды принесу. И таблетку... голова болит? Ты меня пугаешь. Даже в темноте видно, как ты побледнела.

– Здесь? Нет! – протестую я автоматически, но силы сопротивляться тают.

Каждая клеточка тела кричит о необходимости горизонтального положения. Даже паркет на полу кажется таким притягательным сейчас.

– Где угодно, только не в спальне твоего отца! – пытаюсь настоять я, но голос слабый. В голову снова сильно бьет боль, точно от прицельного удара в одну точку. – Я сейчас еще раз встать попробую.

Мира подает мне руку, и я вновь пытаюсь выпрямиться на ногах. Комната опять кружится, а мысль о том, что мне нужно куда-то пойти, да еще и спуститься по лестнице, вызывает почти панический ужас.

А эта кровать... она так близко. Будто остров спасения среди бушующего океана.

– Вот вечно ты со своими экзаменами! – негодует Мирослава. – Как можно было ничего не есть?!

– Пожалуй, ты права, – в итоге сдаюсь я и усаживаюсь обратно на жесткий, но очень удобный матрас. – Я подожду здесь. Но ты точно быстро?

Приходится отступить от своих слов, и я ненавижу себя за эту слабость.

– Конечно! – уверяет Мирослава. – Две минуты, и я снова здесь! Приляг, давай... Хочешь одеялом тебя накрою?

– Нет! С ума сошла?

Она на полном серьезе это предлагает?

– Ладно, хорошо, – примирительно заключает подруга. – Просто ложись. Я мигом.

Мира выскакивает из комнаты, а я медленно опускаюсь в горизонтальное положение.

Это должно быть стыдно, страшно, но тело, измученное моими стрессами и буквально двумя глотками шампанского, которых хватило, вызывает о пощаде.

В нос ударяет приятный запах. Я такой никогда раньше не чувствовала и нигде. Он почему-то отдается теплом в теле.

Переворачиваюсь на бок и поджимаю колени к груди. Да, так значительно лучше.

Щелкает захлопнувшаяся дверь. Меня накрывает полнейшая темнота. Густая, обволакивающая. Шаги подруги удаляются, и вот я уже совсем перестаю их слышать.

Стараюсь не думать о том, что я в самом эпицентре логова Тимура Александровича. Это ведь ненадолго. Каких-то пять, ну, максимум, десять минут, и Мира спасет меня.

«Но это все равно безумие», – бьется последняя связная мысль в висках, стучащих от боли и страха.

Встать. Сейчас же встать и уйти...

Но тело – предатель. Тяжелое, ватное, тонет в роскошной мягкости.

Оно становится неподвижным, будто чьи-то сильные руки прижимают меня к матрасу.

Веки наливаются свинцом. Дыхание выравнивается само собой, вопреки воле.

Пять минут... всего пять минут... Мира скоро...

Не знаю, сколько проходит времени.

Минута?

Час?

Я проваливаюсь в бездну, где нет мыслей, только тепло и тяжесть.

И вдруг...

Запах, к которому успела привыкнуть, становится более ощутимым. А тяжесть горячей и пугающей.

Открываю глаза и ощущаю чужое присутствие рядом. Горячее, сильное незнакомое тело прижимается ко мне сзади.

Тяжелая горячая, явно мужская ладонь, ложится на мое бедро.

Твердо. Уверенно.

Это прикосновение обжигает, точно раскаленное железо, парализуя все тело.

Понимаю, что должна закричать, но... голос сжимается в горле.

Глава 4

Лилия

Может, это сон?

Последняя надежда, за которую цепляюсь.

Мира же обещала!

Она не могла бросить меня здесь!

Хочу пошевелиться, но, точно каменная, продолжаю лежать в той самой позе, наивно полагая, что смогу исчезнуть, если перестану дышать.

Его рука на моем бедре. И это настолько реально, что сомнений не остается: сон – лишь плод моего напуганного до смерти воображения.

Бежать... Нужно бежать!

Сказать, что это какое-то недоразумение.

Но я не успеваю этого сделать, потому что властная огненная ладонь на моем бедре вдруг приходит в движение, а мужчина позади меня чуть склоняется, чтобы своим горячим дыханием обжечь шею чуть ниже уха.

Шершавая щека царапает нежную кожу. Губы касаются, кажется, самого чувствительного места где-то у основания шеи. Вроде и нежно, но, в то же время, будто присваивают. Оставляют пылающую метку.

Низкий, глубокий стон вырывается из его груди. У меня мурашки по коже проскальзывают. Ведь сомнений нет – это отец подруги, который был для меня не просто недостижимым, но еще и запретным.

Его пальцы на моем бедре сжимаются сильнее.

Еще один удовлетворенный стон, что едва не лишает рассудка.

Не понимаю, что происходит в этот момент. Между ножек сжимается так сильно, что низ живота начинает ощутимо тянуть.

И я не знаю, что это такое. Что за сладкое болезненное чувство, становящееся все сильнее с каждой следующей секундой.

Сознание вдруг окончательно вырывается из плена сна, и с такой силой, что, кажется, сердце разорвется.

Но тело все еще в плену ледящего ужаса и... непостижимого, запретного электричества, бегущего от места его прикосновений по всем жилам.

Я не дышу.

Не шевелюсь.

Только чувствую.

Властные мужские руки.

На теле.

Жгущие кожу даже через ткань.

Хочу что-то сказать, но из горла лишь вырывает хриплый стон, стоит только чужой крепкой ладони коснуться моего бедра. Обнаженного под юбкой.

Большой палец мужчины, медленно, почти лениво, выписывает круги по самому чувствительному месту на внутренней стороне бедра.

И я перестаю дышать, понимая, как близко отец моей подруги теперь к самому запретному, самом сокровенному.

– Пожалуйста... – тихо прошу я пощады, но, кажется, моя мольба воспринимается иначе.

– Чщщ... – слышу позади. Шепот щекочет шею. Это провоцирует новый приступ томительного напряжения.

Каждое движение пальца отзывается огненной волной где-то глубоко в низу живота. Это не ласка. Нет. Это что-то другое. Опасное. Запретное. Граница, которую нельзя переходить.

Я все еще думаю, что изображать неодушевленный предмет хорошая идея, но вижу, как медленно, но неумолимо предает тело. Как каждая, даже самая маленькая клеточка, подчиняется власти мужчины, нависшего надо мной.

Кровь стучит в висках. Грудь тяжело вздымается.

И, я уверена, он чувствует это. Ощущает дикую вибрацию глубоко во мне. Как кожа пылает от прикосновений.

И вдруг хватка на бедре становится более жесткой, даже немного болезненной.

Пальцы поднимаются все выше, заставляя меня фактически задохнуться от страха и... предвкушения, что проносится острыми мурашками по позвоночнику.

Пытаюсь дернуться и сжать ноги плотнее.

Но меня не пускают.

– Тихо... – его голос врывается в сознание сквозь крошечную тьму. – Не хочу разбудить дочь.

Мужчина прижимается ко мне всем весом, и теперь я более отчетливо чувствую его возбуждение. Твердое. Горячее. Требовательное.

Сомнений не остается.

Тимур двигает бедрами, совершая короткий, непристойный толчок, имитируя позу владения, растирая свою жесткость о мою мягкость сквозь слои ткани.

И это вовсе не преграда, я понимаю. Для него нет.

Низкий стон вырывается из его груди – чистое, животное наслаждение.

Я вновь ощущаю, как сжимается в животе.

И именно сейчас, в этот момент, его пальцы касаются моих нижних губок. Впиваются в самую чувствительную, скрытую часть меня, сокрушая ткань белья своим напором. Надавливают на складочки жестко, но нежно. Очень умело. И мне хочется застонать оттого, как, оказывается, это может быть приятно

И я... я не выдерживаю.

С губ срывается стон.

Он врывается в сознание громким криком. Отрезвляет. Заставляет понять ситуацию и ужаснуться.

Собираю силы, чтобы сделать рывок. Последний, в который вложу все силы. Но вдруг слышится стук. Стук и голос Миры:

– Пап, ты спишь?

Глава 5

Лилия

Хозяин спальни тоже его слышит. Именно поэтому его захват становится чуть слабее, хотя наглые пальцы все еще продолжают нежно водить вдоль моих лепестков, вызывая ощущения, которые я не испытывала еще никогда в жизни.

– Пап! – Мира вновь ломится в дверь.

– Жди меня здесь, – возбуждающий шепот отдается мурашками в позвоночнике, а потом я чувствую мгновенно обдавшую тело холодную волну.

Тимур Александрович поднимается с кровати, но я почему-то не испытываю облегчения, как должна была.

Моя влажная мякоть практически болезненно пульсирует, оставшись без давления пальцев, и от этого чувства мне хочется согреть от стыда.

Но я беру себя в руки, и стоит только отцу подруги освободить меня, как я резким движением дергаюсь с кровати.

Срабатывает инстинкт. Чистый животный страх.

Я откатываюсь и сползаю с кровати, точно вор, которого вот-вот застукают. Но получается неудачно, и я падаю на пол, споткнувшись о свои же ноги.

Сердце вот-вот выпрыгнет.

– У тебя что-то случилось? – обращается Тимур Александрович к дочери.

Его голос меняется. Будто это совсем не тот человек, что бессовестно лапал меня каких-то несколько минут назад.

И до меня только сейчас доходит, пока лежу подле кровати и пытаюсь слиться с местностью! Мира!

Как она могла?!

Специально меня не разбудила!

Больше всего я боюсь сейчас услышать, что подруга скажет: «Ну, давай, пап, показывай, кто у тебя там?! Я так и знала!».

Мне не хочется верить, что лучшая подруга может разбить мою будущую жизнь вот так запросто. Неужели, наша с ней дружба совсем ничего не значит?

– Случилось, – заявляет уверенная Мира.

Вот сейчас. Сейчас она оттолкнет его, и...

– Пойдем, я кое-что тебе покажу.

– В два часа ночи?! Может, оставим это безусловно важное дело хотя бы до утра? – мужчина явно не собирается покидать свою спальню.

Еще бы! Уверена, он недостаточно нашарился у меня в трусиках и явно хочет продолжения.

– До утра не терпит, пап. Нужно сейчас! Или у тебя есть дела поважнее собственной дочери? – тон Мирославы не требует возражений. А я лежу на полу и молюсь, чтобы ее отец тоже это услышал.

– Ладно, малышка. Только быстро. Сегодня я очень устал.

Устал... что-то он не выглядел уставшим, когда лапал меня.

Романовы уходят, и единственный луч света, что пробивался через дверь в спальню отца Миры, исчезает вместе с ними.

Мне нужна секунда.

Буквально секундочка.

Тело расслабляется, и я понимаю, насколько напряжена была каждая мышца.

А потом я просто бегу. Подрываюсь с пола и вылетаю в темный коридор, оглушенная собственным сердцебиением, с горящими щеками, дрожащими коленями и влажным, позорным, предательским следом его желания между ног.

Как выбегаю на улицу даже не вспомню. У меня перед глазами будто все в пятнах.

Единственное, о чем молилась, это чтобы отец подруги не застукал меня за позорным бегством.

Хотя то, что мы делали, точнее, он делал со мной в своей спальне, еще более позорно. Но, самое главное, сейчас я бегу будто не от него даже, а от себя самой, той самой девчонки, которой в глубине души все понравилось.

Только уже пробежав уже половину поселка, соображаю, что у меня нет никакого плана, и я просто бегу. Вперед по дороге, и все.

Лишь тогда останавливаюсь, чтобы отдышаться.

Завтра я приду на работу, и все ему объясню. Первым делом все объясню.

Глава 6

Лилия (после событий в прологе)

Двери лифта с легким шипением начинают разъезжаться, впуская свет и звуки холла, вырывая нас из тесного, наполненного напряжением пространства.

Зажмуриваюсь на секунду. Все еще чувствую на своих бедрах жаркий отпечаток его ладоней, давящую твердость паха.

И это видят все.

Уверена, это успела заметить и светловолосая девушка, стоящая прямо у лифта, и худощавый парень с кожаным портфелем, который наблюдает за нами с наибольшим интересом.

А мне не то, что хочется сгореть от стыда, а я жажду исчезнуть. Умереть и воскреснуть где-нибудь за пределами этого мира, но и там, не уверена, что смогу побороть этот жгучий стыд.

Все же видели, как я попкой к начальнику прижималась?

Но вдруг это давление исчезает. Мужчина отступает на шаг, и пространство вокруг наполняется ледяным воздухом. А я так застываю униженная и пылающая, не понимающая, что делать дальше.

– Неловко, — раздается над моим ухом его бархатный, абсолютно спокойный голос. Будто ничего не случилось.

Выпрямляюсь, наконец, и вижу, как Романов поправляет манжет рубашки.

– Кажется, вы не уверенно стоите на каблуках, — обращается он ко мне.

Нарочно делает паузу, и мое сердце замирает. Сейчас отец подруги назовет мое имя? Даст понять, что узнал?

Но он заканчивает фразу с легкой, едва уловимой насмешкой:

– Рекомендую сменить обувь на более удобную.

И, не дав мне опомниться, Романов разворачивается и уходит уверенным, быстрым шагом, оставляя меня в позоре под любопытными взглядами сотрудников.

Да уж. Я совсем не так представляла себе свой первый рабочий день в крупной компании. Совсем не так.

Я торопливо начинаю сгребать с пола бумаги, чувствуя, как горит лицо.

– Боже мой, бедняжка! Не переживайте, с каждым бывает! — над моим ухом раздается живой, сочувствующий голос.

Поднимаю взгляд и вижу улыбающуюся брюнетку лет тридцати с пяти. Она одета в элегантный деловой костюм и смотрит на меня с доброй иронией.

– Вы ведь Лилия? — спрашивает незнакомка, и я киваю. А я — Елена, — представляется девушка, помогая собрать последние листы. — Помощница Тимура Александровича, мы с вами по телефону говорили.

– Да, извините, — откликаюсь я, и сама не понимаю, за что извиняюсь. Наверное, за всю эту неприглядную ситуацию. — Действительно, неловко получилось.

– Пустяки! — она подмигивает, и мне становится чуть легче. Я с трудом поднимаюсь на дрожащих ногах.

– Тимур Александрович терпеть не может беспорядок и неловкость, но он ценит профессионализм. Так что просто докажите ему, что вы — профессионал, — помощница Романова берет меня под локоть и ведет через огромный, сияющий стеклом и металлом офис к моему новому рабочему месту.

Пока Елена показывает мне систему, рассказывает о графике и приоритетных задачах, я лишь киваю, стараясь запомнить все, но мой мозг отказывается работать. Я все еще чувствую

его прикосновения. Его запах — дорогой парфюм с нотками кожи и чего-то древесного — кажется, вьелся в меня.

А еще мне в сотый раз звонит Мира. Но я не беру трубку. Не хочу с ней разговаривать после такой подставы. Надо же было так все испортить!

Я зла на подругу. Очень зла!

Но Мирослава не останавливается. И поверх телефонных звонков забрасывает меня голосовыми сообщениями, которые я тоже игнорирую.

– Так, ну, что ж, раз все остальное понятно, – заключает Елена после обеда, – самое время представить тебя шефу официально.

Девушка улыбается, а у меня сердце едва в пятки не летит.

– Да не бойся ты! – подбадривает меня Лена. – Тимур Александрович уже и думать забыл про случай в лифте.

Помощница Романова снова улыбается, но мне легче не становится. Но я стараюсь как-то себя настроить, потому что мне еще работать на этом месте целый месяц, а я планировала показать себя, как грамотного сотрудника.

Даже в требованиях вакансий на нормальные должности часто пишут, что соискатель должен быть стрессоустойчивым. А я что? Сдамся так сразу?

– Да, ты права! С кем не бывает, – пожимаю плечами, подтверждая слова Елена.

Да ни с кем не бывает! НИ С КЕМ! Никто случайно не оказывается в спальне отца подруги и не позволяет ему ласкать то, что скрыто под трусиками.

Лена подходит к массивной двери с табличкой «Т.А. Романов» и легонько стучит.

– Войдите! – раздается из-за двери тот самый голос, от которого по спине бегут мурашки.

Глава 7

Лилия

Ладно. Ничего страшного не случится.

Мы с Тимуром Александровичем уже встречались сегодня, и он меня даже не узнал. Поэтому волноваться не о чем.

Правда?

– Все будет пучком! – обещает Елена, видя мое неподдельное волнение.

И... мы заходим.

Его кабинет огромен, минималистичен и дышит холодной, невероятной мощью.

Но я уже побывала в его спальне и знаю, как это ощущается. Как аура может казаться цепляющей даже в отсутствии человека. Просто потому, что он здесь живет.

В кабинете испытываю нечто подобное.

Романов сидит за массивным дубовым столом, не глядя на нас, изучая что-то на мониторе.

Его профиль кажется высеченным из гранита – твердый подбородок, прямой нос, собранный, безжалостный взгляд.

По моему телу ползет странное, непривычное чувство. Похожее на мурашки, но гораздо более осязаемое. Оно собирается где-то в груди и расползается по всем клеточкам.

Я не могу избавиться от ощущения, как этими самыми руками, в которых он сейчас держит бумаги, хозяин кабинета прижимал меня к себе. Как его пальцы умело и властно отодвинули мои трусики, и я ощутила то, чего никогда раньше не испытывала.

От стыда к щекам приливает краска.

Между ножек становится непривычно горячо, будто даже там все стыдится вчерашней ночи.

Уже сомневаюсь, если честно, что смогу работать в этом офисе, каждый день находясь рядом с этим мужчиной.

– Тимур Александрович, разрешите представить вам Лилию Алексееву. Она будет курировать ваши задачи на время моего отсутствия, – говорит Елена, и ее голос звучит очень официально.

Романов медленно отводит взгляд от монитора и поднимает на меня глаза.

И время останавливается.

Его взгляд – тяжелый, пронзительный, серо-стальной – скользит по мне с ног до головы. Нет, он не смотрит. Он изучает.

Словно рентгеном просвечивает мой строгий внешний вид, плотную блузку и подобранные волосы.

Тимур задерживается на моем лице, и мне кажется, что он видит сквозь меня. Видит ту испуганную, разгоряченную девчонку, которая лежала в его постели и которой он касался своими грубыми, умелыми руками. Которая не удержалась и... застонала от его ласк.

Мне кажется, его взгляд темнеет. В уголках губ появляется едва заметная, почти нечитаемая тень. Не улыбка. Скорее... осознание. Любопытство? Или предвкушение?

Я чувствую, как краснею окончательно, до самых кончиков волос.

Поэтому приходится опустить глаза, потому что я больше в силах выдержать этот пронизывающий, всевидящий взгляд.

Мое сердце колотится где-то в горле.

– Лилия, – наконец, произносит он мое имя.

Оно звучит из его уст странно. Властно. Как-то присваивающе. Словно Романов старается распробовать его вкус на своем языке.

– Красивое имя. Надеюсь, это не единственное ваше достоинство, и вы готовы продемонстрировать мне остальные.

Господи... Я не понимаю, как удерживаюсь в этот момент на ногах. Они становятся такими слабыми, что подгибаются коленки.

– Да, Тимур Александрович, – мой голос звучит слабо и как-то пискляво. – Я готова приступить к работе.

– Прекрасно, – мужчина откидывается на спинку кресла, продолжая смотреть на меня. Его поза расслаблена, но в ней чувствуется напряжение хищника, приценивающегося к добыче. – Надеюсь, ваш первый день будет менее... насыщенным событиями.

В его голосе слышится легкая, ядовитая насмешка. Он определенно намекает на лифт. А может, и на большее? Я сжимаю руки в замок, чтобы они не дрожали.

– Я не боюсь трудностей, – бормочу в ответ.

– Не сомневаюсь, – произносит он многозначительно, и его взгляд скользит по моей фигуре еще раз, заставляя кожу гореть.

Это как пытка. Настоящая болезненная пытка.

Наверное, правильное будет сказать все, как есть и... отступить. Но я не хочу терять эту возможность, возможность осуществить мою мечту – найти себя в жизни.

Тимур Александрович возвращается к монитору, явно давая понять, что аудиенция окончена.

– Елена, убедитесь, что у Лилии есть доступ ко всем необходимым файлам. Сейчас мне нужно будет подготовить несколько отчетов, я скину задание через несколько минут.

– Конечно, – кивает основная секретарша и, слегка толкнув меня под локоть, выводит из кабинета.

Дверь закрывается, и я прислоняюсь к прохладной стене, делая глубокий, прерывистый вдох.

– Ну что? Произвел впечатление? – смеется девушка.

– Думала, после нелепой встречи в лифте меня уже невозможно впечатлить, – стараюсь отвечать в ее манере. Но на душе скверно. Настоящая удушливая паника.

– Не бойся, он строгий, но справедливый. Просто не терпит глупостей.

Я лишь киваю, не в силах вымолвить ни слова. Она приняла мой испуг за обычную робость перед большим начальством.

Но я-то знаю правду. Этот взгляд... эта пауза, когда он произносил мое имя... Он что-то помнит. Я в этом почти уверена. И именно эта уверенность не дает покоя.

Весь день я стараюсь быть идеальной помощницей. Печатаю, сортирую, звоню. Но каждую секунду я чувствую его присутствие. Когда его дверь открывается, и он выходит, мое тело напрягается.

А когда отец Миры проходит мимо моего стола, воздух становится гуще.

Наконец, рабочий день подходит к концу. Сотрудники начинают расходиться. Елена, пожелав мне удачи, и обещав, что будет по возможности, на телефоне, уходит одной из последних.

Я тоже спешу собрать свои вещи сразу после того, как забиваю финальные цифры в таблицу, которую нам под конец срочно поручили.

Чувствую облегчение, что первый, самый страшный день окончен.

Но тут загорается лампочка внутреннего телефона. Сглатываю, понимая, что так связывается со своим секретарем только один человек.

Сердце падает куда-то в пятки. Рука сама тянется к трубке, хотя я очень, очень не хочу этого делать.

– Да, Тимур Александрович? – мой голос снова предательски дрожит.

– Лилия, – его голос звучит низко и спокойно, без привычной деловой резкости. Романов словно с большим удовольствием вновь растягивает мое имя. – Зайди ко мне, пожалуйста. У меня для тебя кое-что есть.

Глава 8

Лилия

Сердце колотится где-то в горле, отдаваясь глухим, неровным стуком в висках.

Ладонь влажная, когда я берусь за холодную ручку двери его кабинета.

Кажется, еще секунда – и я развернусь и побегу. Сбегу из этого офиса, из этого города, от этого человека, от памяти о его руках на моем теле.

Но я не бегу. Ведь моя мечта – работать в таком месте.

С чего я вообще взяла, что случится что-нибудь непристойное? Это лишь мой разум подбрасывает всякие позорные картинки.

Потому делаю глубокий вдох, выдыхаю – и открываю дверь.

Кабинет погружен в полумрак.

Все панорамные окна, окружающие пространство, закрыты жалюзи, не пропускающими вечернее солнце.

Горит лишь настольная лампа на его столе, отбрасывая длинные, танцующие тени на стены.

Тимур Александрович сидит в своем кресле. Он не поднимает взгляда, когда я оказываюсь в кабинете. Только произносит:

– Закрой дверь, Лилия. На замок.

Его голос тихий, спокойный, но в нем звучит сталь.

У меня все падает внутри.

Приказ, не терпящий возражений.

Повинуюсь на автомате.

Щелчок замка звучит как приговор.

Я все еще надеюсь, что ошибаюсь, но... теперь мы одни. Заперты в этом роскошном, дышащем властью стеклянном гробу.

Все еще стою у двери, не решаясь сделать и шага. Страх, холодный и липкий, сковывает ноги.

Мужчина медленно поднимает на меня взгляд. Его лицо в полусвете кажется высеченным из мрамора – резкие скулы, твердый подбородок, губы, сжатые в тонкую, жесткую линию.

Но глаза... Его глаза горят. Темным, почти черным огнем. Они не отрываются от меня, сканируя с ног до головы.

– Ближе, Лилия.

Я заставляю себя сделать шаг. Потом еще один. Останавливаюсь в паре метров от его стола, сжимая руки в замок, чтобы скрыть дрожь.

Тимур Александрович молча смотрит на меня.

Молчание тянется мучительно долго, становясь густым, невыносимым. Он наслаждается моим страхом. Впитывает его.

А затем поднимается.

Медленно, как большой хищник, потягивающийся перед прыжком.

Его фигура в идеально сидящем костюме кажется еще массивнее, еще опаснее в этом полумраке.

Отец Миры обходит стол и останавливается передо мной. Слишком близко. Его запах – дорогой парфюм, смешанный с кожей и чем-то сугубо мужским – бьет в нос, одурманивая, возвращая в ту ночь.

– Ты боишься? – его голос низкий, чуть хриплый.

Я не могу ответить. Я просто смотрю на него, как кролик на удава.

Он делает еще один шаг.

Наши тела почти соприкасаются.

Чувствую исходящее от него тепло. И тогда Тимур кладет свои руки мне на бедра. Точно-точно как в лифте. Твердо, властно.

Его большие ладони обжигают меня даже через ткань юбки.

Я замираю, не дыша.

– Я... Я не понимаю... Чего вы хотите? – наконец, выдавливаю я жалкий шепот.

– Понимаешь, – поправляет тихо. Его пальцы слегка сжимают мои бедра, вызывая странное, трепещущее чувство в моем животе. – Ты все прекрасно понимаешь.

И вдруг он резко, сильно притягивает меня к себе.

Наше тела сталкиваются. И я чувствую это. Чувствую его. Твердое, мощное, безжалостное возбуждение, упирающееся мне в низ живота.

Волна жара накатывает на меня, смывая остатки страха, заменяя его диким, животным трепетом.

– Что вы делаете? – голос срывается, звучит хрипло и испуганно.

Чужая рука скользит с моего бедра на спину, прижимает меня еще крепче, лишая возможности отступить. Другая поднимается выше, и пальцы впиваются в мои собранные волосы, заставляя запрокинуть голову и смотреть ему в глаза. В темные, полные опасной страсти глаза.

– Что я делаю? – Тимур Александрович наклоняется так близко, что его губы почти касаются моих.

Его дыхание, теплое, обжигает мою кожу.

– Я принимаю то, что было мне предложено. Ты пришла в мой дом. В мою постель. Ты легла в нее, зная, что я скоро вернусь. Это было приглашение, мышка. И я его принял.

Глава 9

Лилия

Я не знаю как описать то, что чувствую.

Помесь страха и еще чего-то. Очень опасного. Сдавливающего грудь.

Все происходит точно в сказке. Уж точно не в реальности.

Не может отец подруги вот так прижимать меня в своем кабинете.

– Нет! Это не так! Это была шутка Миры! Я уснула! – пытаюсь вырваться, но его хватка – стальная.

– Не ври мне, – голос Тимура Александровича становится тише, но от этого только страшнее. – Ты пахнешь точно так же. Твоя кожа, твои волосы... Тот же самый запах, что остался на моих простынях. Я почувствовал его, едва вошел в лифт. А когда прикоснулся к тебе... все стало ясно.

Его слова повисают в воздухе, тяжелые и густые. Он все знал. С самого утра. Играл со мной. Наслаждался моим испугом.

Властная ладонь с моей спины опускается ниже, скользит вокруг моей талии, находит молнию на юбке и медленно, неумолимо тянет ее вниз.

Я замираю, парализованная его прикосновениями, его прямым, циничным взглядом. Между ног почему-то сжимается. Наверное, так сильно боюсь.

– Я не... я не для этого пришла сюда работать... – последняя попытка сопротивления.

Хозяин кабинета издает тихий, насмешливый звук.

– Работать? – он отпускает молнию, и его пальцы вновь впиваются в мою плоть сквозь ткань. – Ты думаешь, я поверю, что это простое совпадение? Дочь моей подруги, которая «случайно» оказалась в моей постели, теперь оказывается моей новой помощницей? Это слишком наивно. Но мне нравится.

Тимур наклоняется еще ближе, его губы касаются моего уха. Я чувствую, как все мое тело содрогается от этого прикосновения.

– Давай заключим сделку, мышка, – шепчет он обжигающе тихо. Его язык проводит по краешку уха, заставляя меня вздрогнуть и слабо протестующе застонать. – Ты делаешь вид, что работаешь. А я делаю вид, что верю. Но когда я захочу... – его рука снова находит молнию на юбке и на этот раз дергает ее до конца, – ты принадлежишь мне. Ты будешь приходить ко мне, когда я позову. И уходить, когда я скажу. Ты будешь делать то, что я скажу. Бабками не обижу.

Молния на юбке окончательно расходится, ткань ослабляется. Чужая ладонь скользит под нее, находит голую кожу моего бедра.

Это прикосновение обжигает, как раскаленное железо.

Я задыхаюсь.

– Я... я не проститутка... – вырывается у меня прерывистый шепот.

Вот же Мира! Вот же удружила!

Хотя, если подумать, то чем я лучше? Стою и позволяю малознакомому мужчине лапать меня и раздевать.

Почему я медлю и не оттолкну?

Романов отстраняется на сантиметр, чтобы посмотреть мне в глаза. В его взгляде – холодная, хищная усмешка.

– Нет? А что ты предлагаешь? Любовь? – он фыркает. – Это скучно. И неправда. Мне не нужна любовь. Между нами – только это. Влечение. Желание. И возможность получить больше, чем ты когда-либо могла себе позволить.

Его рука на моем бедре жестко сжимается. Почти больно.

– Я удвою тебе зарплату. Никаких вопросов, никаких обязательств. Только правила. Мои правила. Которым ты подчиняешься.

Он говорит это с такой ледяной, деловой уверенностью, будто обсуждает условия контракта.

И в этом есть что-то невероятно унижительное и... возбуждающее. Он покупает меня. Открыто. Цинично. И дает понять, что я именно это и хотела.

А я не хотела... У меня и в мыслях ничего подобного не было!

Меня просто подставили!

Пытаюсь найти в себе силы отказаться, вырваться, дать ему пощечину. Но его рука на моей коже, его твердость, упирающаяся в меня, его властный, доминирующий взгляд... Они парализуют мою волю.

Внутри все горит. Стыд смешивается с диким, запретным возбуждением. Воспоминание о вчерашней ночи вспыхивает с новой силой – его грубые ласки, его сила...

Он видит мою внутреннюю борьбу. Видит, что я проигрываю.

– Молчание – знак согласия, – произносит он тихо и безжалостно.

Его рука с моего бедра скользит выше, к самой чувствительной, сокрытой части меня.

Он уже бывал там вчера, и я испытала невероятные чувства. Когда от чужих прикосновений, казалось, вспыхивают яркие всполохи перед глазами, а стон сам рвется из горла.

И, вопреки разуму, я жажду испытать это снова.

Прижимается ладонью. Прямо туда. И я чувствую, как вся влага из тела приливает к этому месту.

Издаю тихий, непроизвольный стон. У меня не получается сдержать его. Он слетает с губ быстрее, чем я могу об этом подумать.

– Вот видишь. Твое тело уже сказал «да».

И прежде, чем я успеваю что-либо сказать, что-либо сделать, Тимур Александрович наклоняется и захватывает мои губы своим ртом.

Это не поцелуй. Это захват. Завоевание.

Его губы жесткие, властные, требовательные. Его язык вторгается в мой рот без спроса, подавляя любое сопротивление.

А вместе с ним врывается и вкус. Вкус власти, дорогого виски и чистой, животной похоти.

Не знаю, как понимаю, какая она на вкус, но, уверена, это именно она. Дикая и будоражащая.

Я таю.

Ничего не могу с этим поделать.

Руки сами собой взмывают и впиваются в его плечи – не чтобы оттолкнуть, а чтобы удержаться, потому что ноги становятся ватными.

Я, конечно, целовалась несколько раз, но все эти поцелуи были какими-то жалкими и ненастоящими будто.

Мир сужается до этого поцелуя, до его рук на моем теле, до жгучего стыда и всепоглощающего желания.

Тимур отрывается от моих губ, его дыхание сбито. Глаза горят темным, победным огнем.

– На колени, Лилия, – он произносит приказ тихо, хрипло, без тени сомнения. Его пальцы касаются моих волос, срывая резинку, и освободившиеся пряди рассыпаются по плечам. – Покажи мне, на что способна моя новая... помощница.

Глава 10

Лилия

Романов мягко, но неумолимо толкает меня вниз.

Я опускаюсь на колени на дорогой паркет его офиса.

Сердце колотится, как бешеное.

Смотрю на босса снизу вверх, на этого могущественного, красивого, циничного мужчину, и не могу понять, почему делаю это.

Он тоже глядит на меня. Его взгляд тяжелый, полный ожидания и непоколебимой уверенности в своем праве на меня.

Чиркает молния на брюках. Этот звук кажется оглушительно громким в тишине кабинета.

Его руки уже на расстегнутой ширинке.

И я, наконец, осознаю все.

Будто кто-то другой управлял мной все это время, вынуждая подчиняться. Делать то, что говорят.

Я, настоящая я, никогда бы не поступила так. Не отдалась запросто.

Это же отец подруги, Господи...

Все внутренности завязываются тугим узлом от осознания, что передо мной отец моей Миры. Тот самый. И он собирается делать со мной то, что не принято предлагать подругам дочери.

Это ведь даже в голове не укладывается.

– Тимур Александрович... Я так не могу, – честно признаюсь. – Вы все не верно поняли...

Наверное, правильное сейчас вскочить на ноги и отвесить этому мужчине пощечину. Но мне так дорого место работы, что Тимур Александрович любезно предоставил мне по просьбе дочери, что я сдерживаю себя, пытаюсь решить проблему миром.

Это ведь вполне нормальное желание. Люди во всем мире договариваются.

– Тихо... – просит мужчина, и его ладонь, горячая, крупная, немного жесткая, ложится на мою щеку. – Давай без спектаклей. У меня нет на это времени.

Стук в дверь пробивается сквозь гул крови в ушах. Резкий, настойчивый. Он врезается в наш мирок, состоящий из тяжелого дыхания, моего внутреннего трепета и запаха мужского превосходства.

– Я занят! – рычит Тимур, не отрывая от меня взгляда, а мое сердце замирает.

Его глаза горят темным огнем, в них ярость и обещание, что это еще не конец, и заканчивать тут никто не собирается.

Уверена, в этой компании не найдется человека, кто способен послушаться босса. Именно поэтому знаю, что спасения нет.

Сейчас бы закричать: «Помогите!», но все слова застревают в горле. Больше всего боюсь, что кто-то из коллег узнает о том, что тут происходит, а после случая в лифте догадаться несложно. А я этого не хочу. Не хочу навязчивых сплетен.

В глубине души еще надеюсь как-то исправить ситуацию малой кровью.

Но стук не прекращается. Он становится только яростнее.

Желваки начинают играть на лице Романова.

– Пап! Открой! Это я! – голос Мирославы облегчения особо не приносит.

Он истеричный и требовательный.

Ледяная волна страха смывает все остальные чувства. Тимур замирает на мгновение, его лицо становится каменной маской. Затаив дыхание, жду, что он предпримет.

Романов молниеносно отступает от меня. Одним движением застегивает пряжку ремня, возвращая ее на место, другим — поправляет манжеты рубашки, предавая себе самый строгий и опрятный вид на свете.

– Быстро вставай! – командует мне, когда понимает, что я так и сижу на коленях, в растерянности наблюдая за всем, что тут происходит.

Я, пошатываясь, поднимаюсь с колен. Дрожащими руками пытаюсь поправить юбку, но молния, точно нарочно, отказывается слушаться. пригладить волосы. Сердце колотится где-то в горле.

Романов окидывает меня холодным, оценивающим взглядом, проверяя, нет ли на мне следов нашего... что бы это ни было.

Убедившись, что видимых улик нет, Тимур Александрович интересуется:

– Ты ведь понимаешь, что моей дочери не стоит знать об условиях твоей работы?

– Я не буду... – хочу закончить фразу и заявить, что не стану работать на него, потому что он нарушает мои личные границы, но Тимур перебивает:

– Вот и славно. Будь хорошей девочкой.

Он разворачивается и широким шагом идет к двери. Поворачивает ключ и рывком ее открывает.

Клянусь, я перестаю дышать в этот момент. Мира ведь так хотела уличить отца в связях с женщинами, что точно будет приглядываться к каждой детали.

Я хоть и зла на нее до сих пор, не хочу, чтобы обстоятельства разворачивались именно таким образом.

– Мирослава, что за истерика? – строго спрашивает ее отец. – У нас совещание, — его голос обретает привычную ледяную твердость, лишь легкая хрипотца выдает то, что происходило здесь секунду назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.